

Что позади?

Летом 1986 года в журнале «Наш современник» был опубликован роман Василия Белова «Всё впереди». Роман горячий, отчасти даже скандальный, высокомерно и холодно встреченный литературным бомондом и обруганный не только в тогда еще молодой либеральной прессе, но и в старой партийной газете «Правда». Ныне практически забытый. Разве что название осталось. «Роман плохой, название хорошее», — выразился недавно один из литературных критиков, в целом Белову сочувствующий. И действительно, для истории русской литературы «Привычное дело» и «Плотницкие рассказы» значат куда больше. Но и со «Всё впереди» не все так очевидно. Есть писатели, которые не пишут проходных либо случайных книг.

«Всё впереди» — пророческий роман о покалеченном народе. О нежелании женщин рожать детей, о нежелании мужчин за своих детей бороться, о слабости и неспособности даже самых лучших и сильных людей к сопротивлению и противостоянию нравственному распаду, о том параличе мужественности и женственности, последствия которого мы наблюдаем теперь и неуклюже пытаемся возместить их всякими «братками» и «бригадами». Над Беловым смеялись и наперебой цитировали: «Сексологи пошли по Руси, сексологи! У женщин кисточкой ищут эрогенную зону...» Мракобес, консерватор, ретроград, домостроевец — кто еще мог такое написать? Да еще главный герой физик Дмитрий Медведев, десять лет (из которых шесть он провел в заключении) страдающий от вопроса: смотрела или не смотрела его жена в Париже порнографический фильм? «Бедняжка, нашел себе проблемку и мучается», — заметил бы по такому поводу писатель из тарковского «Сталкера».

В общем, роман пришелся не ко двору. Раннее перестроечное общество раскрепощалось и жило надеждами на лучшее, партия боролась с виноградниками и привилегиями, мир с изумлением и удовольствием взирал на молодого Генерального секретаря ЦК (ровесника Белова, кстати сказать), и от нелепых угроз писателя отмахнулись примерно так же, как отмахивались юные тимуровцы от старика из известной детской повести, который пророчил близкую войну и опасного врага. А самого Белова записали в «неперестроившихся».

Но вот прошло время, вполне достаточное для того, чтобы понять, что же именно ждало нас впереди. Пятнадцать — двадцать лет назад Россия не была вымирающей страной, сегодня стала. То, что началось в русских деревнях, продолжилось в больших городах. Белов написал своего рода городские «Кануны», он показал общество, дошедшее до ручки и далее существовать не способное, но только кризис его был куда более глубоким, нежели «верхи не могут, низы не хотят» или же тоталитарная система заела. Перестройка, реформа, распад империи, мы судим-рядим о политической подоплеке того, что и почему с нами произошло, а между тем в том самом, неуклюжем как будто бы романе диагноз поставлен изумительно точно:

«Чтобы уничтожить какой-нибудь народ, вовсе не обязательно забрасывать его водородными бомбами. Достаточно поссорить детей с родителями, женщин противопоставить мужчинам».

Что на это сказать? Война между поколениями и война между полами сопутствует всей истории человечества. Ее литературный образ восходит к комедиям Аристофана, да и в русской литературе Лермонтов, Достоевский, поздний Толстой, Бунин о чем писали, как не об этой войне? Без этого заложенного в природе противостояния, вероятно, и жизнь была бы скучна, но в истории всякого народа наступают периоды, когда такая война становится разрушительной. И вместо «рокового поединка» сердце наступает биологическое вымирание. Белов это почувствовал едва ли не раньше и не острее всех, и оттого так сердито и почти отталкивающе категорично прозвучали еще раньше, в «Воспитании по доктору Споку», мысли его героя: «Ведь надо же понять, что любовь хороша и уместна лишь в молодости. Один всего, один раз. Они же ждут любви и в сорок, и в пятьдесят лет, когда все кончилось, наивно называя любовью обычный разврат... Надо же понять когда-нибудь им, этим любовникам обоего пола, что после рождения ребенка любая другая «любовь» — предательство». И чуть дальше: «У многих современных женщин дамское самолюбие сильнее материнского чувства».

Кому понравится такой ригоризм и кто пойдет за таким героем? Беловский роман, как и все его городские вещи, оказался криком, гласом вопиющего в пустыне. Интеллигенция предпочитала читать и узнавать себя в Трифонове, как сегодня в Улицкой, а Белову вынесли приговор: не знает города, ненавидит его, не понимает, боится. Но тревога не есть ненависть. А страх иногда бывает выражением бестрашия. Пророческое, кассандровское прорвалось именно в сыне вологодской крестьянки: мы слишком сильно натянули нить вражды, не думая о том, что в войне полов победителей не бывает. Одни спиваются, другие делают аборт, и все винят друг дружку и готовы дойти до крайности.

«— Уж лучше погибнуть в атомной схватке, чем жить по указке дьявола».

«— Я не уверен, что ты прав. Максимализм тоже выгоден дьяволу...»

У Белова виноват Запад. Именно там свершилось грехопадение Прекрасной дамы — Любы Медведевой, после чего пошла наперекосяк жизнь ее семьи. Именно американский президент Джон Кеннеди запрещал журналистам писать о русском пьянстве. «Зачем, дескать, мешать. Пусть пьют, скорей развалятся. Выродятся, не надо никакой водородной бомбы...» Правда это или нет, вопрос к истории. Но горькая парадоксальность нашего нынешнего положения в том и состоит, что мы взяли от цивилизованных стран низкую рождаемость, а от бедных — бедность и высокую смертность и в итоге получили то, что получили. А с учетом нашего окружения на юге и востоке положение катастрофическое. Большое Косово, в которое рискует превратиться значительная часть России действительно без всяких атомных бомб. Тогда в это трудно было поверить. Белов пытался предупредить. Не услышали.

Алексей ВАРЛАМОВ